

УДК 811.161.1

ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПОВЕСТИ Б.К. ЗАЙЦЕВА «АГРАФЕНА»

М.В. Орехова

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории, философии и русского языка
e-mail: m.v.orehova@gmail.com*

Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина

Статья посвящена изучению языковых особенностей повести Б.К. Зайцева «Аграфена», а именно фразеологических единиц, ставших результатом индивидуально-авторского преобразования. Рассмотрены примеры структурно-семантической, структурно-грамматической, формально-грамматической трансформации, а также фразеологические единицы, подвергшиеся нескольким способам преобразования одновременно. Предпринята попытка проанализировать, какое значение имеют подобные фразеологические единицы для раскрытия идейного содержания художественного произведения и понимания мировосприятия автора.

Ключевые слова: *Б.К. Зайцев, повесть «Аграфена», идиостиль, фразеологическая единица, индивидуально-авторское преобразование.*

Введение

Как отметил выдающийся отечественный ученый-лингвист В.В. Виноградов, «творчество писателя, его авторская личность, его герои, темы, идеи и образы воплощены в его языке и только в нем и через него могут быть постигнуты. (...) Самый текст сочинений писателя может быть точно установлен и правильно прочитан только тем, кто хорошо знает или глубоко изучил язык этого писателя» [Виноградов 1976: 223]. «Начало нового этапа в исследовании вопроса о языке писателя, о языке художественной литературы» [Виноградов 1976: 227], по мнению В.В. Виноградова, пришлось на первую половину 20-х годов XX века, однако и столетие спустя язык художественной литературы неизменно вызывает интерес исследователей-филологов, поскольку именно системный анализ текста дает возможность верно понять идейное содержание и оценить стилистическое своеобразие произведений каждого автора. В сфере наших научных интересов – фразеологическая составляющая творчества Б.К. Зайцева, знаменитого писателя-орловца и яркого представителя литературы русского зарубежья, и ее значение как элемента идиостиля автора.

Материалы и методы

Проанализировав произведения разных жанров, мы убедились, что фразеологические единицы (далее – ФЕ) являются весомым элементом

идиостиля Б.К. Зайцева. Они выступают как средство характеристики героев, средство выражения авторского отношения к ним, средство создания особого настроения, присущего текстам писателя и формирующего неповторимую атмосферу художественного мира прозаика. При этом неизменный интерес вызывают ФЕ, подвергшиеся индивидуально-авторскому преобразованию, поскольку именно они несут на себе отпечаток языковой личности писателя и потому в наибольшей степени раскрывают особенности и его творческой манеры, и мировосприятия в целом. Трансформированные ФЕ встречаются во многих рассказах и повестях Б.К. Зайцева, употребляются во всех его романах, однако частота использования преобразованных ФЕ в разных произведениях неодинакова. Например, в повести «Аграфена» (1907) количество трансформированных ФЕ составляет 18% всех фразеопотреблений, в первом романе «Дальний край» (1912) – 13,7%, в повести «Голубая звезда» (1918) – 10,5%, а в романе «Древо жизни», завершающем автобиографическую тетралогию «Путешествие Глеба», – 5% [Орехова 2009: 233]. Подобная динамика позволяет предположить, что в начале своего творческого пути автор ищет собственный стиль, экспериментирует с языковыми средствами, но с течением времени его индивидуальная манера становится более строгой, сдержанной, Б.К. Зайцев отдает предпочтение узуальным языковым средствам, избегает внешней яркости и выразительности, акцентируя внимание на внутреннем мире героев и настроении, которое он создает на страницах своих произведений. В рамках данной статьи мы рассмотрим роль трансформированных ФЕ в повести Б.К. Зайцева «Аграфена», ставшей ярким художественным явлением раннего периода творчества писателя, когда, по мнению Ю.А. Драгуновой, в его прозе в наибольшей степени проявлялись черты импрессионистической поэтики [Драгунова 2005: 67].

Методологическая база исследования определяется комплексным подходом к описанию и анализу фразеологии в художественном тексте и антропоцентрическим подходом, выявляющим влияние личности писателя на формирование языковых особенностей повести. В процессе работы были применены следующие методы исследования: 1) описательный метод, представленный такими приемами, как сплошная выборка ФЕ для анализа, наблюдение, сопоставление, интерпретация, обобщение; 2) таксономический метод, с помощью которого были выделены различные типы индивидуально-авторской трансформации; при этом применялись структурный и компонентный анализ; 3) метод количественного анализа, позволивший дать количественную характеристику преобразованных ФЕ и сделать выводы об их роли в формировании идиостиля Б.К. Зайцева.

Результаты и обсуждение результатов

Повесть «Аграфена» привлекает внимание многих исследователей творчества Б.К. Зайцева, которые отмечают ее интересные композиционные особенности и их роль в раскрытии идейного содержания произведения [Драгунова 2005; Зеленцова 2006; Курочкина 2016]. Автор создает образ простой русской крестьянки Аграфены, описывает ее нелегкий земной путь, ставший «движением к светлому, божественному началу» [Зеленцова 2006: 159], и на этом пути «каждый этап – круговорот бытия», а «вся жизнь – в радостях и страданиях, сменяющих друг друга, в любви и расставаниях, в вечных противоречиях» [Драгунова 2005: 95]. А.В. Курочкина композиционную организацию текста повести определяет как «смену эмоциональных циклов»: «Это в основном лирика настроений, где размывается предметное ощущение мира, который оживает в чувственных образах, отражающих эмоциональный настрой художника» [Курочкина 2016: 39]. По мнению исследователя, «чувства Аграфены доминируют в сюжетном развитии, а факты из ее жизни служат лишь толчком, точкой отсчета для размышления повествователя над ее судьбой и общими проблемами жизни» [Курочкина 2016: 38]. Проанализировав фразеологические средства создания и раскрытия образа героини, мы отметили, что трансформированные ФЕ играют значительную роль в описании и характеристике различных этапов жизни Аграфены. Индивидуально-авторское преобразование ФЕ подчинено общей идее произведения: показать жизнь во всех ее проявлениях, радостях и горестях, счастливых и печальных моментах, создать нужный эмоциональный настрой, призванный помочь читателю правильно понять и разделить мысли писателя.

Как уже отмечалось, в тексте повести «Аграфена» используется значительное количество ФЕ, подвергшихся разным способам индивидуально-авторского преобразования: из 72 фразеологических единиц являются трансформированными. При этом в 4-х случаях мы видим структурно-семантическую трансформацию, представленную таким приёмом, как субституция, то есть замена узуального компонента ФЕ окказиональным. 4 раза Б.К. Зайцев прибегает к структурно-грамматическим преобразованиям: трижды он редуцирует узуальные ФЕ, сокращая их лексический состав, а в одном случае подвергает инверсии, меняя порядок следования компонентов. Кроме того, в тексте есть пример формально-грамматической трансформации, при которой меняется грамматическая форма компонентов узуальных ФЕ. Наконец, 4 ФЕ преобразованы путем использования разных способов трансформации одновременно. Рассмотрим и проанализируем конкретные примеры индивидуально-авторского преобразования ФЕ и их значение для раскрытия идеи повести. Отметим, что для анализа были отобраны только ФЕ, служащие для создания образа главной героини. На наш взгляд, они в

наибольшей степени способствуют раскрытию внутреннего мира Аграфены и пониманию авторской оценки ее жизненного пути, дают читателю возможность почувствовать «удивительную теплоту художника по отношению к своим героям» [Драгунова 2005: 38].

В результате двойной субституции ФЕ *приходить в голову* «возникать, появляться в сознании кого-либо» [ФСРЯ: 334] преобразуется в ФЕ *вставать в мозг*: «Аграфена же хмуро ворочалась, не могла заснуть, и опять мысль о вине и хмеле **вставала в ее мозг**» [Зайцев 2003: 256]. Сохраняя узуальное значение ФЕ в целом, автор заменяет оба ее компонента, и данное преобразование способствует появлению у ФЕ новых оттенков, необходимых для характеристики героини и раскрытия ее тяжелого эмоционального состояния. Греховные отношения с братцем одновременно и радовали, и мучили Аграфену, она искренне любила юношу, в то же время понимала, что эта любовь ни к чему не может привести, но и отказаться от встреч с ним не могла. Поэтому мысль о вине преследовала женщину: она не просто время от времени *приходила в голову*, она *вставала в мозг*. Замена глагольного компонента подчеркивает, что героиня постоянно возвращается к этой мысли, не может уйти от нее, потому хмель оказывается для Аграфены единственной возможностью забыться, перестать думать о связи с братцем. Замена субстантивного компонента показывает, что обращение к вину – не случайный эмоциональный порыв, а результат размышления о создавшейся ситуации. Аграфена, несмотря на ее простоту, обдумывает свои поступки, пытается анализировать их, и чтобы подчеркнуть это, писатель вводит в состав узуальной ФЕ компонент *мозг*. На примере данной трансформации мы видим, как автор приспособливает общеязыковые средства к раскрытию конкретной ситуации, преобразует ФЕ таким образом, чтобы максимально раскрыть эмоциональное состояние героини, ее глубокие переживания, подчеркнуть способность к рефлексии.

Одной из самых трогательных сцен повести становится эпизод прощания Аграфены с братцем, молодым человеком, ставшим последней любовью уже немолодой женщины. Принеся в его комнату букет вербочек, героиня, став на колени, целует край одеяла и пол, где ступала нога любимого. «*Этим молчаливо хотела она дать чистое ныне, братское и страдальческое лобзание юноше, тайно **сжечь** ее сердце*» [Зайцев 2003: 258], – пишет автор об этом поступке героини. Узуальная ФЕ *разбить сердце* «сделать несчастным кого-либо» [СРЯ] преобразуется в *сжечь сердце*. Замена глагольного компонента призвана подчеркнуть необратимость произошедшего: если разбитое можно попытаться восстановить, то сожженное уничтожено навсегда. С помощью данного приёма Б.К. Зайцев показывает, что для Аграфены невозможно возвращение к прошлому: к молодости, к чувствам, к страсти, к немногим

моментам счастья, которые выпали на ее долю. Благодаря субституции автор описывает состояние героини и создает нужное настроение, дополняет узуальную ФЕ оттенком безвозвратности, придавая тем самым повествованию трагические ноты.

Вызывают интерес и примеры структурно-грамматической трансформации узуальных ФЕ. Например, модальная ФЕ *может быть* «возможно, вероятно (употребляется для выражения предположения, возможности, неуверенности, сомнения со стороны говорящего)» [Быстрова 2002: 181] сокращается до одного компонента, который концентрирует в себе весь смысл устойчивого выражения. Сокращенный вариант используется вместе с полным при описании эпизода, где юная Груша неожиданно для себя спрашивает студента, приедет ли он в их деревню следующим летом: «Он не ответил, потом произнес:

– *Может быть.*

«*Может быть*». А *может, и нет?*» [Зайцев 2003: 244]. Используя трижды одну и ту же ФЕ, автор в каждом случае наделяет ее различными семантическими оттенками, сохраняя при этом узуальное значение. Так, ответ студента на вопрос Аграфены служит для выражения возможности того, что через год он вернется в эти же места. Во втором случае ФЕ передает внутреннюю речь Аграфены, которая мысленно повторяет ответ молодого человека и таким образом пытается понять его содержание, узнать, есть ли у нее надежда на новую встречу со студентом. Если молодой человек говорит о возможности, то в мыслях героини чувствуется неуверенность, сомнение, усиливающиеся в следующем предложении, смысловым центром которого является та же ФЕ. Редуцированный вариант показывает волнение девушки, страх перед тем, что желанная встреча может и не состояться. Использование полного и редуцированного вариантов ФЕ представляют своеобразную градацию: каждый последующий случай применения модальной ФЕ усиливает эмоциональное напряжение. Одна реплика, содержащая только ФЕ, раскрывает неизвестную ранее страсть, охватившую юную героиню, указывает на чувства, которые она переживает, дает представление о том, какие мысли в это время проносятся в ее голове, что происходит в душе Аграфены. Узуальный и трансформированный варианты ФЕ дают читателю представление о переживаниях Аграфены, о которых автор открыто не говорит и подробно не описывает, но мастерски раскрывает.

ФЕ *выплакать все глаза* «очень много и часто плакать» [ФСРЯ: 88] используется в речи матери героини, которая после долгой разлуки обращается к дочери: «*Все ждала, все глаза выплакала, тебя ждучи*» [Зайцев 2003: 259]. Узуальная ФЕ подвергается инверсии: глагольный компонент из позиции начала перемещается в конец устойчивого выражения. В результате перестановки значение ФЕ существенно не меняется, однако с помощью инверсии компонентов автор акцентирует

внимание на действии, тем самым показывая, что неустроенная судьба Аграфены вызывала переживания не только у самой героини, но и у ее матери, которая тоже глубоко страдала, думая о тяжелой судьбе дочери, постоянно плакала, ожидая встречи с ней.

Формально-грамматической трансформации подвергается ФЕ *черный день* «трудное время в жизни кого-либо, время нужды, безденежья, несчастий» [ФСРЯ: 126], преобразованная в *черные дни*: «*Мать же в этих твоих стенаниях узнавала свою прежнюю муку и черные дни; острые ножи резали ее сердце*» [Зайцев 2003: 264]. Как мать Аграфены когда-то плакала о несчастной судьбе своей дочери, так и сама героиня страдает вместе с повзрослевшей Анютой, чья первая любовь и юная жизнь были разбиты. Жалея Анюту, Аграфена вспоминает свои переживания и мытарства, и для описания всех тягот и горестей, выпавших на ее долю, узуальной ФЕ оказывается недостаточно. В жизни Аграфены несчастных дней было гораздо больше, чем счастливых моментов, и писатель подчеркивает эту мысль, используя именные компоненты узуальной ФЕ во множественном числе.

Каждый случай употребления ФЕ, преобразованных с помощью нескольких способов трансформации одновременно, вызывает значительный интерес. При этом важно отметить, что эти ФЕ используются при описании разных этапов жизни героини: ранней юности, расцвета, зрелости, старения. Кроме того, из 4-х случаев использования подобных ФЕ трижды трансформированные ФЕ служат для раскрытия духовного состояния Аграфены.

При использовании узуальной ФЕ *сердце падает* «кто-либо испытывает страх, тревогу, приходит в отчаяние. О внезапном ощущении тревоги, испуга и т.п.» [ФСРЯ: 392] автор расширяет ее компонентный состав и употребляет глагол в форме прошедшего времени: «*Это было немного смешно – слишком он не умел справляться с вилами, навивкой воев, но когда на лугу, где Груша с девками сгребала сено, появлялся он, в белом кителе и с опаленным зноем лицом, сердце Груши, как всегда, падало*» [Зайцев 2003: 243]. Так Б.К. Зайцев описывает чувства совсем юной Аграфены, в которой только начинает пробуждаться любовный интерес к молодому человеку, зарождаются первые желания. Изменение грамматической формы глагольного компонента и расширение состава ФЕ за счет оборота *как всегда* показывают, что героиня много раз испытывала эти ощущения, что, всякий раз встречая юношу, Груша переживала одни и те же эмоции: трепет, волнение, тревогу. Кроме того, происходит и семантическое преобразование ФЕ: если ее словарное значение сводится к характеристике ощущения тревоги и испуга, то в тексте повести, помимо данных чувств, ФЕ раскрывает и нежный трепет и смятение, охватывающие девушку при встрече со студентом. Аграфена не только волнуется, видя, как молодой человек, не привыкший к деревенской

жизни, работает вместе с другими, она переживает и смущается, чувствуя на себе его взгляд, потому ее *сердце падало* не только от испуга, но и от счастья, и автор приводит читателя к этой мысли с помощью трансформации ФЕ.

Преобразованию подвергается и ФЕ *сердце замерло* «кого-либо охватывает сильное волнение, тревога, страх» [Быстрова 2002: 287], которая используется как *остановилось сердце*: «*Но остановилось сердце, нету ему ходу – видит она с ним там другую девку, Федосью, и он лезет от нее лохматый, с сеном в волосах*» [Зайцев 2003: 250]. Эта ФЕ применяется при описании эмоционального состояния уже более взрослой Аграфены, имевшей плотские желания, испытывавшей страсть и пережившей любовную измену Петра, грубо обошедшегося с ней. В данном случае мы видим, что узуальная ФЕ подвергается субституции и инверсии. Компонент *замерло* заменяется глаголом *остановилось*, что подчеркивает необратимость процесса: замершее сердце может начать биться вновь спустя несколько мгновений, но если сердце остановилось, запустить его вновь практически невозможно. Увидев Петра с Федосьей, Аграфена понимает, что это конец их отношений, что ее надеждам на семейное счастье сбыться не суждено, и эта мысль подчеркивается с помощью субституции. Инверсия необходима, чтобы показать, насколько сильный эмоциональный удар получила героиня и как глубоко она его переживает.

Комплексному преобразованию подвергается и ФЕ *взвалить [положить] на плечи* «обременять чем-либо, обычно работой, делами, заботами и т.п.» [ФСРЯ: 59]: «*Ужинали, захлебываясь в рассказах; тут узнала она, как было трудно матери, как билась, недоимки выплачивала, – но теперь Аграфена решила: на свои мужицкие плечи она возьмет хозяйство и выведет на путь*» [Зайцев 2003: 260]. Эта ФЕ используется при описании эпизода, когда Аграфена после долгих скитаний возвращается домой. Она уже немолода, перенесла болезненное расставание с братцем, больше не надеется на новую любовь и личное счастье. Теперь ее жизнь полностью посвящена заботам о старой матери и взрослеющей дочери. Аграфена не боится работы, поэтому готова к трудной крестьянской жизни, и эта мысль раскрывается с помощью трансформированной ФЕ. Глагольный компонент *взвалить*, подчеркивающий тяжесть, трудность выполнения какого-то действия, заменяется компонентом *взять*, в котором такого оттенка значения нет. Так автор показывает, что тяжелая работа привычна для Аграфены, которая всю жизнь провела в трудах, поэтому ведение хозяйства ее не пугает. Она возьмется за эту работу, как за любую другую, и не будет чувствовать себя более обремененной трудами и заботами, чем обычно. В результате инверсии окказиональный компонент перемещается из позиции начала ФЕ в ее конец, и тем самым автор привлекает к нему внимание,

подчеркивает важность новых семантических оттенков узуальной ФЕ для описания жизни и характера героини. Раскрытию идеи о тяжелой жизни в бесконечных трудах и заботах, которые Аграфена принимает без ропота и недовольства способствует и расширение ФЕ за счет компонентов *свои мужицкие*, относящихся к слову *плечи*. Аграфена работала много и тяжело, была лишена маленьких женских радостей, никогда не имела мужской поддержки, все делала сама и для себя, и для родных, потому и плечи ее стали *мужицкими*, сильными, крепкими. Аграфена была единственной надежной опорой для матери и Анюты, чувствовала ответственность за них, готова была до конца делать все для их благополучия. Преобразуя ФЕ с помощью разных способов, Б.К. Зайцев дополняет текст важными деталями, которые оказываются существенными для создания и раскрытия образа героини повести.

Узуальная ФЕ *дух захватило* «стало трудно дышать» [Ожегов 1997: 223] преобразуется в *дух немел*: «*И вначале, как ни билась, дух немел перед возможностью не быть, перед тем, что же будет, когда не будет ее?*» [Зайцев 2003: 251]. Данная ФЕ служит для характеристики Аграфены как героини думающей, пытающейся анализировать свою жизнь, ищущей ответы на сложные вопросы. Простая женщина, занятая бесконечной работой, тяжелым трудом, вынужденная во многом отказывать себе, лишенная даже самых маленьких радостей, размышляет о сущности бытия, о том, как и с чем она покинет земной мир, что будет после завершения ее жизненного пути, и трансформированная ФЕ показывает душевное и физическое состояние Аграфены, ставшее итогом подобных мыслей, ее способность к анализу и рефлексии. Узуальный компонент *захватило* заменен глаголом *немел*. Помимо субституции, мы можем увидеть изменение залога: глагол *захватило* характеризует непроизвольное действие, а глагол *немел* является активным. Так автор показывает, что волнения и страхи героини становятся результатом ее собственных исканий: размышляя о жизни, она думает о том, что будет после, и боится этого. Этим вызвана и замена глагольного компонента: *дух захватывает* на мгновение, обычно от какого-то неожиданного поворота событий, а индивидуально-авторский вариант *дух немеет* показывает более длительное состояние, сильные переживания, вызванные долгими серьезными размышлениями о вопросах жизни и смерти.

Заключение

Таким образом, ФЕ, подвергшиеся индивидуально-авторскому преобразованию, становятся весомым средством, способствующим раскрытию художественного образа Аграфены, главной героини одноименной повести Б.К. Зайцева. Рассмотренные трансформы раскрывают героиню как женщину, готовую на все ради близких, способную на глубокие и бескорыстные чувства, умеющую искренне

любить и размышлять о серьезных вопросах бытия, безропотно принимающую все испытания, выпавшие на ее долю. Анализ трансформированных ФЕ позволяет говорить о них как о существенном элементе идиостиля Б.К. Зайцева, требующем тщательного изучения со стороны исследователей творчества писателя.

Библиографический список

Быстрова Е.А. Фразеологический словарь русского языка: Ок. 1000 единиц / Е.А. Быстрова, А.П. Окунева, Н.М. Шанский. 2-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 416 с.

Виноградов В.В. Изучение языка художественной литературы в советскую эпоху // История русских лингвистических учений: Учебное пособие для филологических специальностей университетов / Сост. Ю.А. Бельчиков; Предисл. Ю.В. Рождественского. М.: Высшая школа, 1976. С. 222-244.

Драгунова Ю.А. Б.К. Зайцев: Художественный мир (В помощь учителю). Орел: Издательский Дом «Орловская литература и книгоиздательство» («ОРЛИК»), 2005. 128 с.

Зайцев Б.К. Аграфена // Зайцев Б.К. Дальний край. Повести. Рассказы. М.: Дрофа, 2003. С. 247-261.

Зеленцова С.В. Чаша жизни как философское понятие в произведениях Б.К. Зайцева и И.А. Бунина // Наследие Б.К. Зайцева: проблематика, поэтика, творческие связи. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Б.К. Зайцева. Орел, ПФ «Картуш», 2006. С. 157-161.

Курочкина А.В. Сюжетно-композиционное своеобразие лирической прозы Б. Зайцева // Творчество Б.К. Зайцева и мировая культура. Сборник статей. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения писателя. Орел, 2016. С. 36-39.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

Орехова М.В. Фразеологические единицы как элемент идиостиля Б. Зайцева (на материале романов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Орел, 2009. 235 с.

СРЯ – Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 10.04.2023).

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Войнова и др.; Под ред. и с послесл. А.И. Молоткова. 6-е изд., испр. и

доп. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2001. 512 с.

References

Bystrova E.A. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka: Ok. 1000 edinit' / E.A. Bystrova, A.P. Okuneva, N.M. Shanskii. 2-e izd., ispr. i dop. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 416 с.

Vinogradov V.V. Izuchenie yazyka khudozhestvennoi literatury v sovetskuyu epokhu // Istoriya russkikh lingvisticheskikh uchenii: Uchebnoe posobie dlya filologicheskikh spetsial'nostei universitetov / Sost. YU.A. Bel'chikov; Predisl. YU.V. Rozhdestvenskogo. М.: Vysshaya shkola, 1976. S. 222-244.

Dragunova YU.A. B.K. Zaitsev: Khudozhestvennyi mir (V pomoshch' uchitelyu). Orel: Izdatel'skii Dom «Orlovskaya literatura i knigoizdatel'stvo» («ORLIK»), 2005. 128 с.

Zaitsev B.K. Agrafena // Zaitsev B.K. Dal'nii krai. Povesti. Rasskazy. М.: Drofa, 2003. S. 247-261.

Zelentsova S.V. Chasha zhizni kak filosofskoe ponyatie v proizvedeniyakh B.K. Zaitseva i I.A. Bunina // Nasledie B.K. Zaitseva: problematika, poetika, tvorcheskie svyazi. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 125-letiyu so dnya rozhdeniya B.K. Zaitseva. Orel, PF «KartuSH», 2006. S. 157-161.

Kurochkina A.V. Syuzhetno-kompozitsionnoe svoeobrazie liricheskoi prozy B. Zaitseva // Tvorchestvo B.K. Zaitseva i mirovaya kul'tura. Sbornik statei. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 135-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya. Orel, 2016. S. 36-39.

Ozhegov S.I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii / S.I. Ozhegov, N.YU. Shvedova. 4-e izd., dopolnennoe. М.: Azbukovnik, 1997. 944 с.

Orekhova M.V. Frazeologicheskie edinitsy kak ehlement idiosilya B. Zaitseva (na materiale romanov): dis. ... kandidata filol. nauk: 10.02.01. Orel, 2009. 235 с.

SRYA – Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t. / RAN, In-t lingvisticheskikh issledovani; Pod red. A.P. Evgen'evoi. 4-e izd., ster. М.: Russkii yazyk, Poligrafresursy, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (data obrashcheniya: 10.11.2022).

FSRYA – Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka / Sost. L.A. Voinova i dr.; Pod red. i s poslesl. A.I. Molotkova. 6-e izd., ispr. i dop. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2001. 512 с.